

чено на брыкающихся и увлекающих колесницу в непроходимые дебри быках. А о колеблющемся ковчеге позаботится Тот, Кто открыл некогда всевидящие очи для спасения корабля, колеблющегося на волнах.

Мне не кажется поэтому, будто я обидел кого-то настолько, чтобы он стал браниться; скорее, я заставил вас и других, лишь по званию пастырей, покрыться краскою смущения (если, конечно, в мире еще остался стыд), ибо в предсмертный час Матери-Церкви среди множества берущих на себя роль пастыря стольких овец, неухоженных и плохо охраняемых на пастбищах, раздастся одинокий голос, одинокий жалобный голос, да и тот светский.

И что тут удивительного? Каждый избрал себе в жены алчность, как поступили и вы сами, – алчность, которая никогда, в отличие от бескорыстия, не порождает милосердия и справедливости, но всегда порождает зло и несправедливость. О нежнейшая Мать, Невеста Христова, которая от воды и Духа рождаешь сыновей, тебя же позорящих! Не милосердие, не Астрея а дочери Вампира стали твоими невестками. А примером тому, что за детей они рожают, служат сами же дети, за исключением епископа из Луни. Григорий твой покоится в паутине, Амвросий лежит забытый в шкафах клириков, и Августин вместе с ним, рядом пылятся Дионисий, Иоанн Дамаскин и Беда; а вместо них вы обращаетесь к некому «Зерцалу», Иннокентию и епископу Остии. А почему бы не так? Одни искали Бога как конечную цель и как высшее добро, другие гонятся за пребендой и за выгодой.

Но не думайте, о Отцы, будто я единственная на всей земле птица Феникс. Ибо о том, о чем я кричу во весь голос, остальные либо шепчут, либо бормочут, либо думают, либо мечтают. Чего же они скрываются? Одни – это верно – растеряны от удивления; неужели же они вечно будут молчать и ничего не скажут своему Создателю? Жив Господь: ибо Тот, Кто расшевелил язык Валаамовой ослицы, и для нынешнего скота является Господом.

Вот я и заговорил – вы меня вынудили. Стыдитесь же, что укор и увещания обращены к вам снизу, а не с неба, дабы, раскаявшихся, оно вас простило. С нами поступают справедливо, стремясь поразить нас там, где возможно пробудить наш слух и другие чувства, чтобы стыд породил в нас раскаяние – своего первенца, а оно в свою очередь – желание исправиться.

И дабы достойное славы благородство сопутствовало этому стремлению и поддерживало его, нужно, чтобы вы увидели глазами разума, каков он, город Рим, лишенный ныне и того и другого светоча, пребывающий в одиночестве и вдовстве, способный вызвать сострадание у самого Ганнибала. И слова мои обращены главным образом к вам, которые детьми узнали священный Тибр. Ибо если столицу Лациума подобает любить и почитать всем итальянцам как родину собственных гражданских установлений, тем более справедливо вам почитать ее, коль скоро она еще и ваша родина. И если перед лицом нынешних несчастий итальянцев сразила скорбь и смутило чувство стыда, как не краснеть вам и не предаваться скорби, раз вы являетесь причиной ее неожиданного затмения, подобного затмению солнца? И прежде всего ты, Орсини, ты виноват в том, что твои лишенные сана коллеги остались обесславленными и только властью апостолического Иерарха им были возвращены почетные эмблемы воинствующей церкви, которые их, быть может преждевременно и несправедливо, заставили снять. И ты тоже, последователь высокой затибрской партии, который поступил точно так же, дабы гнев усопшего понтифика пустил в тебе ростки и они стали бы твоей неотъемлемой частью, как привитая к чуждому стволу ветка. И ты мог, как если бы тебе недостаточно было трофеев, собранных в завоеванном Карфагене, обратить против родины славных Сципионов эту свою ненависть и твой здравый смысл не воспротивился ей?

Но положение, несомненно, может быть исправлено (лишь бы шрам от позорного клейма не обесславил священный престол настолько, что явится огонь, шадящий нынешние небеса и землю), коль скоро все вы, виновники столь глубокого беспутства, единодушно и мужественно будете бороться за Невесту Христову, за престол Невесты, которым является Рим, за Италию нашу и, наконец, за всех смертных – ныне паломников на земле; дабы на поле уже начавшегося сражения, к которому со всех сторон, даже с берегов Океана, обращаются озабоченные взоры, вы сами, предлагая себя в жертву, могли услышать: «Слава в вышних!» – и дабы позор, ожидающий гасконцев, которые, пылая столь коварною жаждой, стремятся обратить в свою пользу славу латинян, служил примером потомкам во все будущие века.